

А. Слюсарев

*Рассказы
и сказки*

Анатолий Слюсарев

Рассказы и сказки

«Издательские решения»

Слюсарев А. Е.

Рассказы и сказки / А. Е. Слюсарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834408-4

Сборник моей прозы, написанной в разное время. Здесь встречаются как сказки, так и рассказы о подростках и даже серьёзные детективные истории.

ISBN 978-5-44-834408-4

© Слюсарев А. Е.
© Издательские решения

Содержание

В гостях у М. А. Шолохова	6
Под пеплом вновь прорастают цветы. Кралево, Югославия. Май 1945	8
Глаз-алмаз	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Рассказы и сказки

Анатолий Евгеньевич Слюсарев

© Анатолий Евгеньевич Слюсарев, 2016

ISBN 978-5-4483-4408-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В гостях у М. А. Шолохова

В солнечный апрельский день 1958 года Иван Григорьевич, водитель со стажем, как обычно, дежурил на станции в Миллерово. Во время войны он был штатным водителем штабных легковушек и за рулём прошёл всю войну. Ему доводилось побывать везде – в болотах Восточной Пруссии, в Будапеште и даже в Праге. В его практике встречалось всякое – он начинал с вождения обычного ГАЗа, а заканчивал войну уже за рулём трофейного «Мерседеса». После войны он продолжил карьеру водителя и теперь работал в такси. В Миллерово его хорошо знали и относились с большим уважением.

В этот день клиентов не было, и Иван Григорьевич начал уже засыпать, как вдруг в окно кто-то постучал. Иван Григорьевич живо отреагировал и, прежде чем он успел осмотреть пассажиров, он услышал до боли знакомый голос.

– Довезёте до Вёшенки? – спросил пассажир.

Их было несколько. Одного из них он узнал сразу: ну конечно же – Пётр Глебов, известный киноартист. Молодую женщину, явно не местную, Иван Григорьевич сначала так и не признал, но потом выяснил, что зовут её Эля Быстрицкая, и она – коллега Глебова по съёмкам, исполнительница роли Аксиньи. Недавно в местной газете вышла заметка, что в соседнем городе снимается «Тихий Дон». Автор романа, по мотивам которого снимался фильм, Михаил Александрович Шолохов до сих пор был жив.

Ещё в конце двадцатых ему от правительства выделили жильё на малой родине – в станции Вёшенской, где он жил и по сей день. Это был хитрый человек: когда-то он, будучи сотрудником комиссии по продналогу, попался на махинациях и был арестован, но каким-то неизвестным образом смог отвертеться, а сам роман «Тихий Дон», написанный им ещё в двадцать седьмом году, мог стоить ему карьеры, а то и жизни. Но писатель не растерялся и ловко сыграл на опережение, задействовав Алексея Максимовича, известного под псевдонимом Максим Горький, с которым к тому времени успел крепко сдружиться. Михаил Александрович начал трезвонить писателю с одной лишь просьбой: организовать встречу со Сталиным и, при случае, замолвить словечко. Горький согласился и в скором времени, на даче в Подмоскowie, за одним столом сидели сам вождь, ещё совсем молодой Михаил Александрович и Алексей Максимович, время от времени смолящий папиросы из своей любимой коробочки. Сталин неспешно покуривал трубку и какое-то время с подозрением смотрел на Шолохова, видимо, проверяя, насколько тот нервничает. Но Михаил Александрович был невозмутим и Сталин медленно, пережёвывая каждое слово, задал вопрос, ответ на который знали многие высокопоставленные партийные деятели, «подвиги» которых описал в своём романе двадцатидвухлетний писатель:

– Так это правда, товарищ Шолохов, – Сталин сделал ещё одну затяжку и, выдохнув облако табачного дыма, продолжил: – Что вы в своём романе... – ох уж эти паузы! Михаил Александрович начинал нервничать: один неверный ответ может разрушить всю комбинацию. Если ему удастся заручиться поддержкой вождя, то в ближайшее время за собственное будущее можно быть спокойным. Писатель старался не терять самообладание, но это было нелегко. – ...прославляли «Белое движение»? – наконец договорил Сталин.

– Никак нет! – отрапортовал Михаил Александрович, подобно солдату в строю. – В своём романе я описывал крах «Белого движения»!

Шолохов во второй раз вышел сухим из воды, здесь даже не понадобилась помощь Алексея Максимовича. А в тридцать восьмом Шолохов сумел обвести вокруг не пальца не кого иного, как самого главу НКВД Ежова. Однажды обманув судьбу в двадцать втором, Шолохов, казалось, стал бессмертен, хотя в последнее время всё чаще чувствовал себя не востребованным. Нет, обеспечен он был от государства весьма прилично даже по нынешним меркам,

но чтобы его рукописи допустили до печати, Михаилу Александровичу приходилось чуть ли не боем отстаивать своё право заниматься тем, чем он привык и чем жил.

ГАЗ забрал всех пассажиров и, выпустив клубы ядовитого дыма, выехал на просёлочную дорогу. Весной асфальт местами размыло и ГАЗ то и дело покачивался, попадая то в одну, то в другую яму. А как начнётся половодье, человеку, не знающему местность, лучше сюда не соваться – увязнет, потом попробуй машину без тягача извлеки. К счастью, вода уже отступила, хотя на горизонте всё ещё виднелось, как оттаявшие снега и льды пытаются преодолеть насыпи и дамбы, которые когда-то сами же крестьяне и набросали, чтобы не затапливало поля.

Путь до Вёшенской занял около часа. Отыскать дом Шолохова не составило труда. Сам хозяин стоял возле калитки и если бы Иван Григорьевич не видел его раньше на фотографиях из газеты, непременно принял бы за обычного колхозника, коих были сотни и тысячи во всём районе. Сам писатель, уже не молодой, но вполне бодрый и энергичный, стоял, опершись правым локтем на калитку. Одет он был в обычный старый ватник, свитер, брюки и галоши. Разве что не носил характерную для колхозников фуражку. Он неизменно смотрел куда-то вдаль, то и дело смоя «Беломор». Как только ГАЗ остановился у ворот, Михаил Александрович потушил папироску и в ответ на приветствие гостей, пригласил их зайти в дом:

– Задержитесь пока здесь – обед стынет.

Артисты зашли в калитку, после чего Шолохов подошёл к машине и, склонившись над кабиной, окликнул Ивана Григорьевича:

– Ну а ты чего, как неродной? Проходи, не задерживайся. Ты фронтовик?

– Фронтовик.

– Ну тем более! – Шолохов был явно предрасположен к Ивану Григорьевичу, будто знал его не несколько минут, а как минимум десять лет.

На кухне к тому времени воцарился шум – артисты рассказывали о съёмках, о том, как шёл подбор и Михаил Александрович демонстрировал к этой теме завидный интерес. Иван Григорьевич и сам не заметил, как влился в разговор.

Тут Шолохов повернулся к Ивану Григорьевичу:

– А что, может, по сто грамм, а?

Предложение прозвучало, мягко говоря, неожиданно и Иван Григорьевич на некоторое время растерялся:

– Что вы, я ж за рулём...

– Да ладно, чего ты, – Михаил Александрович ободрительно похлопал гостя по плечу. – Если что, ты просто предъяви это, – Шолохов вытащил из кармана бумажный листок, отыскал карандаш и живо набросал: «Ваня был у меня», затем поставил дату и подпись. – Всё, – говорит писатель. – Теперь если ГАИ остановит, ты просто покажи им это и ничего тебе не будет. К вечеру гости стали собираться уходить. Шолохов проводил всех четверых до машины и ещё несколько минут наблюдал, как барахтаясь в грязи на размытой грунтовке, автомобиль «ползёт» к околице, оставляя за собой лишь дым от выхлопной трубы.

Под пеплом вновь прорастают цветы. Кралево, Югославия. Май 1945

Вот и всё, война позади. Такие мысли были в голове у Марии, когда она, едва отзвучали выстрелы, вернулась домой. Город было не узнать – то, что когда-то было улицами, бульварами, площадями, ярмарками, превратилось в сплошные руины. А вокруг – тишина... Та самая тишина, дороже которой нет ничего после четырёх лет войны, смерти и горя. Пришло мирное время, мира, цена которого – сотни тысяч жизней. Мария прошла всю войну, она подетально помнила времена, когда воздух горел и дрожал, когда приходилось свыкаться с мыслью, что завтра твоего друга уже не будет в живых, о том, что утренней зари она может и не увидеть.

Но прошёл один год, второй, третий... Смерть шадила её, раз за разом давая шанс выжить. Потом пришли русские. С каким вдохновением рвались рано постаревшие дети в Белград! Противник, казалось, выложил все свои козыри, зная, что дело проиграно. Неделю город сотрясали взрывы и выстрелы, а потом... «Русские! Наши!» – кричали ликующие горожане.

С тех пор прошло семь месяцев. И вот, долгожданная весна. Весна, подарившая мирное чистое небо. И вот, над руинами, где до войны был дом семьи Краньец, светило яркое майское солнце. Не осталось от дома ничего – ни единой стены, а лишь груда камней и блоков – тех, которые ещё не успели убрать. «Зачем я здесь?» – думала Мария, оглядывая обугленные камни. Тяжело было сейчас сидеть на развалинах родного дома. Она бы предпочла оказаться за тысячи шагов отсюда, но какая-то неведомая сила тянула её сюда. «Всё позади, Мария, всё позади», – убеждала она себя, закрыв лицо руками. В ней перемешалось всё сразу – всё, что она прошла за эти четыре года. Кто-то сказал бы, что война – не женское дело, но что есть страна, как не её народ, её защитники? Женщины, дети, старики – это тоже его часть.

– Мара... – знакомый голос привёл её в чувство. Она подняла голову, на время убрав ладони с глаз. Перед ней стоял не кто иной, как командир партизанского отряда. Тот самый Сретен Любиянкич, взявший под своё начало вчерашних крестьян, ремесленников, студентов, вряд ли державших в руках что-то грознее топора. Он и сам практически «с рельсов» осваивал огнестрел, лично учился стрелять из полевой артиллерии. Из него получился настоящий командир – тот самый, который своим солдатам становится вторым отцом.

– Глазам своим не верю: неужели передо мной – пуленепробиваемая Мария Краньец? Сколько лет знал тебя, редко когда даже скупую слезу у тебя видел.

– Не могу поверить, что всё позади, – ответила Мария, вновь опустив глаза.

Сретен понимающе покачал головой и сел рядом. Некоторое время они не произносили ни слова. Мария уже немного успокоилась, а Сретен безучастно смотрел вперёд. Вот в палисаднике, как по графику, проросли тюльпаны.

– Жизнь есть, – произнёс Любиянкич тихо, едва слышно. – Под пеплом вновь прорастают цветы.

Мария пристально смотрела в глаза бывшему командиру. Было в нём что-то такое, что придавало ей жизненных сил даже после тяжёлых ранений, полученных в самых жестоких мясорубках. Он и теперь будто заражал Марию своей энергией и железной волей.

– Мара, послушай, надо жить дальше. Просто учиться жить. Мы столько всего прошли... А для чего? Для того, чтобы мир вздохнул, наконец, свободно. С болью, но свободно. Нельзя выбраться из ада, не пройдя его до конца.

У Марии невольно прорезалась улыбка:

– Умеешь ты высокопарные слова говорить. Вот только...

– Когда была война, ты тоже думала, что не найдёшь в себе сил жить дальше. Выстоишь и теперь.

- Ты тоже. Наверняка уже знаешь, чем займёшься...
- Знаю, – кивнул Сретен. – Кое-какие планы уже есть. Видишь ли, жениться я надумал. Семья, свой дом, ну что ещё нужно человеку для тихой мирной жизни?
- И уже спутницу себе нашёл?
- Да.
- И кого, если не секрет?
- Ну как кого? Я затем к тебе и пришёл. Невест, кроме тебя, почитай, не осталось, а ты – не просто хранительница, но и защитница родного очага.
- Тьфу на тебя, Любиянкич, – Мария толкнула Сретена локтем в бок. – Хоть бы что ли этикет соблюдал, а то женщине такое говорить...
- Да ладно, чего ты сразу сердишься? Я не из тех, кто заливает стандартную чепуху, я просто что думаю, то и говорю.
- Ты невыносимо прямолинеен, Сретен... – вздохнула Мария, а потом, крепко обняв бывшего командира, прошептала: – С тобой – хоть на край света.

Глаз-алмаз Москва. Октябрь 1993

Вызов в Красногорский район не был сам по себе чем-то необычным. С утра лил сильный дождь, аж из машины вылезать неохота. У местной лесополосы, где деревья были опечатаны, переминались с ноги на ногу двое людей в форме. Третий, в штатском, стоял чуть поодаль и, заметив знакомую машину, перелез через заградительную линию, приветствовал следователя:

– Доброе утро, Алексей Геннадьевич! Мы вас уже заждались.

– Здравствуй, Ленар, ну, в чём дело?

– Местный житель спокойно гулял с собакой, а та вдруг что-то нашла. Он не понял сразу, а как увидел, так его чуть Кондратий не хватил – человеческая рука. Мы обыскали место и нашли обезображенный мужской труп.

– Кто жертва?

– Если верить протоколу осмотра, то это – не кто иной, как Зелимхан Каримов, криминальный авторитет по кличке «мясник». Мы нашли обгоревшую барсетку неподалёку.

– Я бы на твоём месте не торопился с выводами, – развёл руками Егоров. – Каримов мог инсценировать собственную смерть.

– Не исключаю. Судя по тому, что кисти рук ему обрубили, кто-то очень не хотел, чтобы личность потерпевшего была установлена.

– Ещё более очевидно, – кивнул Егоров. – Кстати, кисти не нашли?

– Нашли, – вышел вперёд участковый. – Они в морозильной камере лежат, в нашем морге.

– Отлично! Теперь узнаем, кого Каримов завалил вместо себя.

Егоров уже не первый год работал в угрозыске и повидал достаточно мертвецов. Но фрагменты человеческого тела до сих пор коробили стальные нервы следователя. Видимо, на ум сразу приходил Афган, где он попал в страшную мясорубку. Вчера его сослуживцы, молодые здоровые парни, сегодня превращались в беспомощных инвалидов. Тогда ещё юный и неопытный Егоров, казалось, привык к смерти, всё-таки сталкивался уже по долгу службы в угрозыске с ней много раз, но стойкого иммунитета он так и не получил. Разумеется, в подтопленном ливнем лесу ничего более-менее существенного найти не удалось.

Губайдуллин, тем временем, получил главную улику по делу – руки потерпевшего. Надо сказать, Ленар был весьма ценным сотрудником: он обладал фотографической зрительной памятью и замечал даже мельчайшие детали. Вот и теперь, уже после окончания осмотра места происшествия, он с победным видом доложил коллеге:

– Вот так, Алексей Геннадич – прокол у них вышел – пальцы-то обрубить забыли. А на одном из пальцев не хватает фаланги. У Каримова все пальцы целые, стало быть, мы нашли останки Тимура Мустафина, киллера банды.

– Так-так... Каримов опять затеял чистку. Я думаю, дело было так: он обманом вывез Мустафина в лес, где либо он сам, либо кто-то из подельников убил Мустафина. Потом они облили тело кислотой, а руки отрубили и выбросили а расчёте на то, что дикие звери растащат. Но останки нашли раньше, чем предполагалось... Вот что, Ленар, не спускай с подельников Каримова глаз! Если он подчищает концы, значит, вот-вот сорвётся в бега. Если уже не сорвался, – последнюю фразу Егоров произнёс уже тише.

– Каримов никуда бы не уехал, бросив Дудина – он его мозговой центр. Профессиональный юрист, как-никак.

– Корлеоне и Хейген, не иначе, – усмехнулся Егоров. – Надо продолжать наблюдение. Рано или поздно Каримов «всплывёт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.